

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

HUMANITARIAN EDUCATION: COMMUNICATIVE ASPECT

Аннотация:

Всякий текст культуры оказывается точкой схождения интересов творца (художника) и зрителя (зрителя), что дает все основания для состоятельности диалога как «события сознаний». Оказываясь один на один с текстом культуры, мы в процессе актуализации его диалогической природы приобщаемся к социуму, обучаясь жить в гармонии с собой и с миром. При этом с каждым творческим усилием отдельная личность утверждает незыблемость общечеловеческих ценностей, значимых как для всех людей, так и для и каждого человека в отдельности.

Ключевые слова:

Текст культуры, творец, художник, ценности, коммуникативный аспект.

The summary:

Every text is a point of convergence of cultural interests of the creator (the artist) and connoisseur (the viewer), which gives every reason for the consistency of dialogue as "the events of consciousness." Find themselves face to face with the text of culture, we are in the process of updating its dialogical nature attached to the society, learning to live in harmony with itself and with the world. At the same time every creative effort an individual asserts the inviolability of human values that are meaningful for all people, and for each and every individual.

Keywords:

text of the culture, creator, artist, values, communicative aspect.

В объем коммуникативной компетенции человека входит задача не только научиться говорить...
научиться видеть и научиться быть видимым...
столь же важно...

В. Круткин

Гуманитарное образование является сегодня одним из важнейших компонентов жизни общества и его дальнейшего развития, представляя собой общественные отношения, которые складываются в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. Поэтому одна из главных целей современного образования – развитие общения, которое в условиях предметной деятельности актуализируется средствами изучаемого предмета. Так, пункт 4 ст.14 упомянутого Закона гласит: «Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений».

Несмотря на закрепленный законом тезис, коммуникативный аспект отечественного образования оказывается наименее разработанным. Более того, в условиях тотального тестирования, которое ориентировано на работу памяти, субъект образования постепенно утрачивает способность говорить, подменяя процесс изобретения собственной речи процессом воспроизведения (повторения) того, что уже сказано кем-то другим. В качестве такового, как правило, выступают либо предметник, либо автор учебника по изучаемой дисциплине. В результате выхолащивается суть гуманитарного знания, которая, по мысли М.М. Бахтина, заключается в диалогической природе последнего. Собственно диалог оказывается в плену монолога. Каким образом актуализировать процесс мыследеятельности? Как посредством конкретной учебной дисциплины стимулировать у учащейся молодежи желание говорить и быть услышанным?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо прежде вспомнить, что исходный феномен мышления – понимание. Как утверждают психологи, всякий человек начинает мыслить только тогда, когда у него появляется потребность что-нибудь понять (С.М. Рубинштейн). Поскольку же понимание возникает исключительно в ситуации непонимания, один из возможных выходов из кризиса общения – проблематизация учебного материала. Несмотря на то, что проблемный метод обучения имеет давнюю историю, как прежде, так и теперь он не стал ведущим методом отечественного образования. Почему?

Возможно, одна из основных трудностей при создании проблемной ситуации и ее последующего решения кроется в том, что «понимание есть повторение процесса творчества» с той лишь разницей, что «в понимающем происходит нечто по процессу, ... а не по результату» созвучное тому, «что происходит в самом говорящем» [1, с. 82]. Соответственно, реализация проблемной ситуации с неизбежностью требует непосредственного участия каждого из участников диалога, что обычно недостижимо в условиях группового обучения. Другими словами, соб-

ственно диалог в данном случае имитируется наличием вопросно-ответной структуры, реализация которой во многом зависит от педагогического мастерства преподавателя. В итоге искомым диалог сознаний как процесс согласования противоречий, складывающихся между внешним и внутренним, рациональным и эмоциональным, познавательным и этическим оборачивается внешним диалогом как обменом репликами субъектами образования. Тогда, чтобы вовлечь всех тех, кто оказывается в учебной аудитории в ситуацию общения, необходимо каждого субъекта поставить перед решением отдельной проблемы и каждому дать шанс отыскать ключ к ее решению. Насколько это возможно?

Ответить утвердительно позволяет опыт Л. Малес, которая пишет о роли фотографии в преподавании социологических дисциплин. Несмотря на то, что в «преподавательской практике фотография используется еще довольно редко и далеко не во всех своих возможных качествах», именно наглядность позволяет, по мысли автора, превратить «ситуацию учения в ситуацию изучения». Как «несколькими словами не задашь ситуацию для разбора», которая была бы «не абстрактной, не пустой, а близкой к реальной», так же «невозможно передать социальный процесс в виде схемы». Если «представить в виде стрелочки отношения зависимости или направления манипулятивного воздействия еще возможно», то «сводить к схематичности социальные отношения – чрезвычайное упрощение» [2, с. 173]. Вот почему в своем опыте чтения курсов Л. Малес нередко обращается «к литературе, кино, фотоальбому, другим артефактам мира социального» [2, с. 173]. При этом методика анализа фототекстов позволила применить такие аналитические стратегии, которые Л. Малес условно назвала «стилем Шерлока Холмса»: «это и дотошное рассматривание, и поиск мельчайших деталей, и разгадывание загадок..., скрытых в фотофрагменте» [2, с. 179]. В итоге исследование социокультурного мира студентами приводит к исследованию социокультурного мира самого студента. Другими словами, от внешней социальности мы переходим к социальности внутренней, которая в процессе публичного обсуждения результатов анализа приобретает интересубъективный характер.

Учитывая опыт коллег, работающих в сфере визуальной антропологии [3], на занятиях по предмету «Философия» мы обратились к художественным текстам, представленным живописными образцами. Значимость последних обусловлена для нас тем обстоятельством, согласно которому «художник передает ...сложное наглядное сообщение, которое приобретает смысл при интерпретации его замысла зрителем» [4, с. 161]. Причем, как свидетельствует С.М. Даниэль, генетическая связь живописного сочинения с ораторской речью прослеживается еще в эпоху поздней античности, когда пластические искусства ставились в один ряд с поэзией. Отмеченная близость находит свое отражение и в особом характере средневековой живописи, представляющей собой некий род письменности [5, с. 27–30; 33–37]. Наконец, подобно Энею Сильвио Пикколомини, который однажды признался в том, что «любят друг друга сии два художества, красноречие и живопись» [6, с. 149] и современные художники ставят знак равенства между словами «писать» и «говорить», рассматривая живопись своего рода речью. Так, Пабло Пикассо намеренно предупреждал зрителя о том, что «я не говорю всего, но пишу все» [7, с. 43]. Аналогичным образом и нередко прибегавший к литературному описанию своей картины Пауль Клее утверждал, что «написанное и изображенное имеют общий корень». Комментирующий данное высказывание Дени Шевалье приходит к мысли, согласно которой «это расхожее утверждение напоминает о том, что за плечами у Клее была школа рисовальщика: “Если вы можете писать, то вы можете и рисовать”» [8, с. 11].

Специально заметим, что обращение к искусству в рамках философии никоим образом не противоречит отечественной традиции, разрабатываемой в трудах М.М. Бахтина, Я.Э. Голосовкера, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, по мысли которых, ценность художественных произведений в том и заключается, что в процессе общения с искусством любое знание становится личностным, интериоризованным и непосредственно влияющим как на ценностные ориентации субъекта образования, так и на его жизненное поведение. Более того, собственно изобразительный текст выступает наиболее приемлемым материалом, одновременно способствующим формированию и культуры диалога, и визуальной культуры. Значимость последней обусловлена для нас тем, что «человеческое видение – одна из структур сознания, наряду с мышлением оно раскрывает удивительную способность человека образовывать пары, сдваивать в своем поле то, что отображает предмет, и то в нем, что отображает предмет» [9, с. 44].

Поскольку способность мыслить напрямую связана со способностью видеть [10], в случае, когда изобразительный текст позиционируется нами в качестве предмета речи участников диалогического общения, мы оказываемся в двойном выигрыше. С одной стороны, имеется в виду практическая реализация единства «познания и этического поступка, бытия и долженствования», которое, по мнению М.М. Бахтина, может обеспечить лишь интуитивная философия, созданная на основе теории искусства [11, с. 282]. С другой стороны, – попадание в русло со-

временных идей о так называемом визуальном повороте в гуманитарном знании [12]. Как пишет М. Эпштейн, визуальные медиа образуют сегодня такой «мощный дискурс, который способен тотально подмять все остальные под себя, так что перед их ... натиском отступят языковые дискурсы» [13]. Соответственно, мы, вслед за автором цитаты, имеем все основания говорить о конце эпохи идеологии и начале эпохи видеологии.

Принимая во внимание тот факт, что «кодирование информации знаками и художественными образами происходит в соответствии с системой смыслов и ценностей, характерных для данной культуры, повседневных символических взаимодействий между людьми, группами и субкультурами» [14, с. 295–301], становится вполне понятной мысль Г.Г. Шпета, который утверждал: данность текста – это всегда данность вопроса. Другими словами, демонстрируя свой собственный взгляд на тот или иной предмет, художник остается в неведении относительно того, насколько эта его позиция будет принята читателем. Не случайно при наличии разных точек зрения на один и тот же жизненный материал, одна и та же тема становится основой контрастных по содержанию художественных произведений. Тогда, высказывая свою точку зрения на предмет речи, каждый из нас – зрителей – с неизбежностью становится со-творцом нового целого. Ведь настоящий диалог по какому-то предметному поводу возможен лишь там и тогда, где и когда мы отвечаем на чужой вопрос или, как это называется у Достоевского, на чужой «запрос на идею». И здесь нельзя не согласиться с В. Л. Махлиным, который настаивает на том, что подлинная дискуссия может разворачиваться только там и тогда, «где и когда мы внутри чего-то большего, чем я и другой, – внутри объемлющего меня и другого события, в которое входит и сам предмет обсуждения; это “общное” (как выражался Г. Г. Шпет) в разговоре суть условие возможности вообще заговорить – а не промолчать» [15, с.29].

С учетом вышеизложенного, можно прийти к мысли о том, что, в конечном счете, всякий текст культуры оказывается точкой схождения интересов творца (художника) и ценителя (зрителя), что дает все основания для состоятельности диалога как «события сознаний» (М. М. Бахтин). Специально оговорим, что, по сути, термин «событие» («совместное бытие») указывает на момент социализации ценителя в результате его диалога с творцом, чья художественная речь запечатлена в том или другом тексте культуры. В этом, пожалуй, и состоит уникальная возможность искусства, когда, познавая художественную действительность исключительно по-своему (не случайно мы говорим в данном случае о сугубо личном смысле) «Я», тем не менее, способствует обогащению всех, кто «не-Я», т.е. «Других». Таким образом, оказываясь один на один с текстом культуры, мы в процессе актуализации его диалогической природы приобщаемся к социуму, обучаясь жить в гармонии с собой и с миром. При этом с каждым творческим усилием отдельная личность утверждает незыблемость общечеловеческих ценностей, значимых как для всех людей, так и для и каждого человека в отдельности.

Ссылки и примечания:

1. Потебня А. Из лекций по теории словесности. Басня, Пословица. Поговорка. Лекция восьмая // Русская словесность. Антология. М., 1997.
2. Малес Л. Фотография в социологических дисциплинах // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сборник научных статей / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007.
3. См.: Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сборник научных статей / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007
4. Жинкин Н. Язык – Речь – Творчество (Избранные труды). М., 1984.
5. Даниэль С. Искусство видеть. Л., 1990.
6. Аверинцев С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.
7. Вальтер И. Пабло Пикассо. М., 2002.
8. Шевалье Д. Пауль Клее. М., 1995.
9. Круткин В. Фотографический опыт и его субъекты // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сборник научных статей / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007.
10. См. Глезер В. Зрение и мышление. Л., 1985; Грегори Р. Разумный глаз. М., 1972.

References (transliterated) and notes:

1. Potebnya A. Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Basnya, Poslovitsa. Pogovorka. Lektsiya vos'maya // Russkaya slovesnost'. Antologiya. M., 1997.
2. Males L. Fotografiya v sotsiologicheskikh distsiplinakh // Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost': Sbornik nauchnykh statey / ed.by E.R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov, V.L. Krutkin. Saratov, 2007.
3. See: Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost': Sbornik nauchnykh statey / ed. by E.R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov, V.L. Krutkin. Saratov, 2007
4. Zhinkin N. yazyk – Rech' – Tvorchestvo (Izbrannye trudy). M., 1984.
5. Daniel' S. Iskusstvo videt'. L., 1990.
6. Averintsev S. Antichnyy ritoricheskiy ideal i kul'tura Vozrozhdeniya // Antichnoe nasledie v kul'ture Vozrozhdeniya. M., 1984.
7. Val'ter I. Pablo Pikasso. M., 2002.
8. Sheval'e D. Paul' Klee. M., 1995.
9. Krutkin V. Fotograficheskiy opyt i ego sub'ekty // Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost': Sbornik nauchnykh / ed. by E.R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov, V.L. Krutkin. Saratov, 2007.
10. See: Glezer V. Zrenie i myshlenie. L., 1985; Gregori R. Razumnyy glaz. M., 1972.

11. Бахтин М. Проблема материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев, 1994.
12. О «визуальном повороте», пришедшему на смену «лингвистическому», пишет, ссылаясь на одного из теоретиков визуальных исследований В. Дж. Т. Митчелла, А. Усманова. См.: Усманова А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма. <http://viscult.bu.com/article.php?id=101>; Мещеркина-Рождественская Е. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сборник научных статей / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 28–42.
13. Эпштейн М. Идеология эпохи видео. Эволюция эйдоса: от идеи к виду. 2004 // <http://www.topos.ru/article/1951>.
14. Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М., 2001. С. 295–301.
15. Махлин В. Диалог как способ нового мышления: (культурологическая концепция М.М. Бахтина и современность) // Человек в зеркале культуры и образования. М., 1988.
11. Bakhtin M. Problema materiala, sodержaniya i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve // M.M. Bakhtin. Raboty 1920-kh godov. Kiev, 1994.
12. On the "visual turn" to replace the "language", she writes, referring to one of the theoreticians of visual studies of V. J. T. Mitchell, A. Usmanova. See: Usmanova A. Vizual'nye issledovaniya kak issledovatel'skaya paradigma. <http://viscult.bu.com/article.php?id=101>; Meshcherkina-Rozhdestvenskaya E. Vizual'niy povorot: analiz i interpretatsiya izobrazheniy // Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na sotsial'nuyu real'nost': Sbornik nauchnykh statey / ed. by E.R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov, V.L. Krutkin. Saratov, 2007. S. 28–42.
13. Epshteyn M. Ideologiya epokhi video. Evolyutsiya eydosa: ot idey k vidu. 2004 // <http://www.topos.ru/article/1951>.
14. Yarskaya-Smirnova E. Odezhda dlya Adama i Evy: Ocherki gendernykh issledovaniy. M., 2001. P. 295–301.
15. Makhlin V. Dialog kak sposob novogo myshleniya: (kul'turologicheskaya kontseptsiya M.M. Bakhtina i sovremennost') // Chelovek v zerkale kul'tury i obrazovaniya. M., 1988.